

Роза в уплату

Автор:

Эллис Питерс

Роза в уплату

Эллис Питерс

Хроники брата Кадфаэля #13 Шедевры исторического детектива (Рипол)

Размеренную жизнь Шрусбери нарушает вереница странных событий, так или иначе связанных со вдовой Перл. Той самой, которой аббатство святых Петра и Павла каждый год посылает розу в уплату за дом, отданный обители. И только брату Кадфаэлю по силам отвести беду от несчастной женщины...

Эллис Питерс

Роза в уплату

© Storyside. 2022

© Грушанская Ж. Я., наследники, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Видите того пожилого монаха в подоткнутой рясе? Сейчас утро, и брат Кадфаэль возится в своем садике: собирает лекарственные травы, ухаживает за кустами роз. Вряд ли кому придет в голову, что перед ним – бывший участник крестовых

походов, повидавший полмира бравый вояка и покоритель женских сердец. Однако брату Кадфаэлю приходится зачастую выступать не только в роли врачевателя человеческих душ и тел, но и в роли весьма удачливого, снискавшего славу детектива, ведь тревоги мирской жизни не обходят стороной тихую бенедиктинскую обитель. Не забудем, что действие «Хроник брата Кадфаэля» происходит в Англии XII века, где бушует пожар междоусобной войны. Императрица Матильда и король Стефан не могут поделить трон, а в подобной неразберихе преступление – не такая уж редкая вещь. Так что не станем обманываться мирной тишиной этого утра. В любую секунду все может измениться...

Глава первая

Весна 1142 года запоздала, холода затянулись на весь апрель и смягчились только к началу мая. Природа оживала медленно и как бы нехотя. Птицы держались поближе к жилью, выискивая места потеплее. Пчелы начали просыпаться очень поздно, и к тому же их надо было подкармливать, потому что зимние запасы в ульях вышли, а весенние цветы пока не распустились. Ничего еще не сеяли – в этом не было никакого смысла: все равно семена сгнили бы в промерзшей земле или их склевали бы птицы.

Холод, казалось, сковал и людей, и их побуждения. Раздоры поутихли. На Пасху, когда у короля Стефана прошел первый приступ радости по случаю освобождения, он совершил поездку на север, чтобы восстановить оборвавшиеся было нити своего влияния, но, вернувшись, заболел, да так тяжело, что по всей Англии поползли слухи о его близкой смерти, а его кузина и соперница, императрица Матильда, предусмотрительно поспешила перебраться со своими присными в Оксфорд, где и стала терпеливо ожидать того времени, когда слухи оправдаются. Однако Стефан упрямо отказывался умирать и к концу мая решительно пошел на поправку. В первых числах июня заморозки прекратились. Пронизывающий ветер сменился умеренным, выглянуло солнце и своими лучами принялось поглаживать землю, словно теплой ласковой рукой. Семена в земле ожили, на поверхность пробились зеленые стрелки, и вдруг море цветов –

золотых, пурпурных, белых, расцветших тем более пышно, что им пришлось так долго ждать, – залило сады и луга. Ликуя и торопясь, люди начали запоздалый сев. А король Стефан поднялся с постели, словно великан, разорвавший оковы какого-то злого наваждения, выздоровел и перешел к энергичным действиям: он обрушился на портовый город Уорем, самый восточный из тех, куда могли добраться корабли его врагов, и без особых усилий захватил и город, и замок.

– А теперь снова двигается на север в сторону Сайренчестера, – рассказывал Хью Берингар, окрыленный новостями, – чтобы один за другим занять аванпосты императрицы, если, конечно, сумеет сохранить прилив энергии.

Это был фатальный порок короля, отчаянно мешавший ему в военных действиях, – у Стефана не хватало выдержки; если сразу добиться желаемого не удавалось, он снимал осаду через три дня и, без пользы расточая силы, отправлялся осаждать какую-нибудь другую крепость.

– Может, все еще кончится неплохо! – с надеждой заключил Хью.

Тем временем брат Кадфаэль, мысли которого были заняты гораздо более мелкими, но не менее важными делами, разглядывал свои грядки в травном саду, при этом носком сандалии он ковырял землю, потемневшую и ставшую значительно мягче после прошедшего утром хорошего дождя.

– По всем правилам морковь следовало посеять месяц назад, – задумчиво произнес он, – да и первая редиска будет деревянной и сморщенной, как старая кожа, но потом мы, возможно, получим что-нибудь более сочное. К счастью, пока пчелы спали, деревья не зацвели, но все равно урожай в этом году будет плохой. Все задержалось на четыре недели, впрочем, природа как-то умеет нагонять. Уорем, говоришь? И что Уорем?

– Стефан взял его. Город, замок и порт – вообще все. Роберту Глостерскому, который ушел оттуда всего десятью днями раньше, это как плевок в лицо. Я тебе не говорил? Известие пришло три дня назад. В апреле императрица встречалась со своим братом в Дивайзисе, и, похоже, они решили, что сейчас самое время мужу этой леди проявить некоторую заботу о ее делах и лично прибыть сюда, чтобы помочь ей наложить лапу на корону Стефана. Они отправили к Жоффрау в Нормандию послов, но тот отослал их обратно, заявив, что, разумеется, готов на все, но люди, которых к нему прислали, ему

незнакомы, он не знает ни кто они, ни что они, и отказывается иметь дело с кем-либо, кроме самого графа Глостерского. Если Роберт не приедет, передал Жоффруа, посылать кого-нибудь другого бесполезно.

Кадфаэль тут же оторвался от созерцания вялых всходов.

– И Роберт дал себя уговорить? – спросил он с изумлением.

– Очень неохотно. Он боится оставить сестру, боится доверить ее людям, которые едва не бросили ее после вестминстерской бойни, да и вообще, я сомневаюсь, что он тешит себя надеждой добиться чего-нибудь от графа Анжуйского. И все же он позволил себя уговорить. И отчалил из Уорема. Но теперь он столкнется с большими трудностями, когда захочет вернуться. Ведь порт в руках короля. Это был хороший, решительный бросок. Если бы только Стефану удалось удержать город!

– Мы отслужили мессу по случаю выздоровления короля, – рассеянно заметил Кадфаэль и выдернул длинный стебель осота, выросший на грядке с мятой. – Отчего это, скажи на милость, сорняки растут втрое быстрее растений, за которыми мы заботливо ухаживаем? Три дня назад здесь было чисто. Если бы так же всходила капуста, я бы уже завтра прорядил ее.

– Разумеется, ваши молитвы укрепят решимость Стефана, – промолвил Хью, хотя в голосе его не было надлежащей убежденности. – Тебе до сих пор не дали помощника? Пора бы уже. В это время тебе трудно управиться одному.

– Сегодня утром на собрании капитула я настоятельно просил об этом. Кого мне предложат, понятия не имею. У приора Роберта есть два-три юноши, которых он охотно сбыл бы с рук и передал мне. К счастью, те, кого он недолюбливает, обычно оказываются смышленнее других. Может, мне еще повезет с помощником.

Кадфаэль распрямил спину и постоял, глядя на свежевскопанные грядки и только что засеянное поле, спускавшееся к ручью Меол. Монах с удовольствием вспоминал тех, кто в последние годы помогал ему тут, в травном саду. Высокий, миловидный и беспечный брат Джон, который оказался в монастыре по ошибке, а потом ушел из него с общего согласия и уехал в Уэльс, поменяв роль брата на роль мужа и отца. Брат Марк, который вступил в обитель шестнадцатилетним пареньком, малорослым, полуголодным. Он был сиротой, робким и тихим, и с

детства познал дурное обращение, а вырос в зрелого, спокойного и ясного духом человека, и его желание стать священником никого не удивило. Кадфаэлю до сих пор не доставало брата Марка, который теперь служил в домашней часовне епископа Личфилдского и был уже дьяконом. А после Марка – брат Освин, бодрый и уверенный в себе, с сильными руками. Сейчас он на год ушел служить в приют Святого Жилия, что на окраине Форгейта.

«Любопытно, кто следующий? – подумал Кадфаэль. – Облачите дюжину юношей в одинаковые грубые черные рясы, выбрейте им тонзуры, пусть они день за днем, год за годом ведут одну и ту же жизнь, все же они останутся разными, каждый по-своему неповторим. И слава Богу!»

– Кого бы тебе ни прислали, – сказал Хью и улыбнулся, шагая рядом с Кадфаэлем по широкой тропинке, огибавшей рыбные пруды, – к тому времени, как он уйдет от тебя, это будет совсем другой человек. Уж ты постарайся! Зачем им отдавать тебе, скажем, Руна, милого и наивного, как святой? Это уже готовый монах, таким он и родился. Ты получишь какого-нибудь сомневающегося, упрямого детину, коего надо еще пообтесать. Правда, в итоге не всегда выходит то, что ждали, – добавил Хью, коротко усмехнувшись, и искоса глянул на своего друга.

– Рун взял на себя попечение над алтарем святой Уинифред, – возразил Кадфаэль. – Он испытывает к ней собственнические чувства. Сам льет для нее свечи и берет у меня пахучие масла, желая сделать воск благовонным. Нет, Рун сам нашел себе занятие, и незачем вставать у него на пути. Эти двое позаботятся друг о друге.

Хью с Кадфаэлем перешли мостик через ручей, питавший пруды и мельницу, и очутились в розарии. Подрезанные еще осенью кусты подросли очень мало, однако первые бутоны начали наконец набухать и из-под зеленой оболочки стали проглядывать красные и белые полоски.

– Теперь они скоро раскроются, – с довольным видом заметил Кадфаэль. – Им нужно было только тепло. А то я уж было засомневался, получит ли вовремя вдова Перл свою ренту в этом году. Но если эти наверстывают упущенное, то и ее белые, наверное, не отстанут. Грустным выдался бы год, если бы розы не зацвели к двадцать второму июня!

– Вдова Перл? Ах да, в девичестве Вестье! – отозвался Хью. – Как же, помню! Значит, это происходит в день перенесения мощей святой Уинифред? Сколько лет прошло, как аббатство получило сей дар?

– В этом году мы четвертый раз принесем вдове плату – одну белую розу с куста возле ее старого дома, и вручить цветок надо в день перенесения мощей святой Уинифред...

– Мнимого перенесения, – ухмыльнулся Хью. – Ты хотя бы покраснел, говоря о нем...

– Я и краснею, но при моем цвете лица кто это заметит? – Лицо у Кадфаэля и впрямь было красно-кирпичного оттенка, обветрившееся за долгие годы жизни под открытым небом... на Востоке, равно как и на Западе. Загар настолько въелся в кожу, что зимой она лишь слегка тускнела, а летом, как правило, снова начинала буреть.

– Требования вдовы Перл были крайне скромными, – задумчиво сказал Хью, когда они подошли к дощатому мостику через канаву, по которой отводили воду из странноприимного дома. – Большинство наших городских купцов назначили бы за свою собственность гораздо более высокую цену, нежели одна роза.

– Она потеряла то, что было для нее всего дороже, – мужа и ребенка, – промолвил Кадфаэль. – Муж умер, а у нее случился выкидыш. Она не могла вынести этого – жить одной в доме, где они были так счастливы вдвоем. Но именно потому, что дом был ей дорог, она захотела отдать его Богу и не стала присоединять к остальным своим владениям, и без того достаточным, чтобы обеспечить ее саму, родню и всех работников. Того, что мы получаем от аренды дома, хватает на свечи и убранство алтаря Пречистой Девы в течение всего года. Так захотела вдова Перл. Она сохранила единственное звено, связывающее ее с домом, – одну розу в год. Он был очень хорош собой, Эдред Перл, – добавил Кадфаэль, качая головой, как бы сожалея о недолговечности красоты. – Я видел, как жестокая лихорадка иссушила его до костей, и ничем не мог помочь. Такое не забывается.

– Ты видел многих таких, – рассудительно заметил Хью. – И здесь, и на полях Сирии, давным-давно.

– Видеть-то я видел! Только слышал ли ты, чтобы я говорил, что, мол, забыл хоть одного из них? А тут – молодой, красивый мужчина, умерший так рано, не достигнув зрелого возраста, и его жена, у которой не осталось даже ребенка в память о нем... Согласись, случай весьма печальный.

– Она молода, – несколько сухим и практичным тоном сказал Хью, потому что его мысли были заняты другим. – Она может еще раз выйти замуж.

– Так думают многие у нас в городе, – согласился Кадфаэль, кисло улыбнувшись. – Богатая женщина, единственная хозяйка сукновального дела Вестье. Но после того, что она имела, едва ли вдова посмотрит на какого-нибудь седого скрягу вроде Годфри Фуллера, который уже схоронил двух жен, получив хорошее наследство от обеих, а теперь присматривает третью. Или на молодого вертопраха, что ищет легкой жизни!

– Например? – поддразнил Хью, улыбаясь.

– Я мог бы назвать двоих-троих. Прежде всего, младший сын Уильяма Хинде, если дошедшие до меня слухи справедливы. И этот парень, старшина ее ткачей, недурен собой и наверняка жаждет ей понравиться. Да и ее сосед, шорник, говорят, ищет себе жену и думает, что вдова Перл вполне ему подходит.

Хью разразился хохотом и дружески хлопнул Кадфаэля по плечу. Они ступили на большой монастырский двор, где царило обычное оживление перед мессой.

– Сколько у тебя глаз и ушей на улицах Шрусбери? Хотел бы я, чтобы мои люди знали хотя бы половину того, о чем докладывают тебе. Какая жалость, что твое влияние не распространяется на Нормандию! Я бы не отказался, чтобы мне намекнули, о чем там договорились Роберт и Жоффруа. Хотя мне кажется, – Хью сразу посерьезнел, заговорив о том, что его заботило, – Жоффруа слишком занят тем, как овладеть Нормандией, чтобы он стал тратить время на Англию. Судя по всему, он непрерывно совершает короткие набеги и вовсе не собирается покидать сейчас Нормандию. Скорее, он втянет Роберта в свои дела и заставит помогать себе, чем сам окажет ему серьезную помощь.

– Он явно проявляет очень мало интереса к своей жене и ее притязаниям, – согласился Кадфаэль. – Ладно, посмотрим, сумеет ли Роберт склонить его на свою сторону. Ты сегодня пойдешь к мессе?

– Нет, я уезжаю в Мэзбери на неделю или две. Мы хотели отправиться раньше, но все откладывали из-за холодов. Зато теперь надо спешить. Я оставлю там Элин и Жилия на лето. А сам буду ездить туда и обратно, по мере надобности.

– Лето без Элин и без моего крестника! – с упреком произнес Кадфаэль. – Хорошенькие новости, и ты выкладываешь их мне прямо так, без предупреждения! Тебе не стыдно?

– Ни капельки! Потому что я пришел, помимо всего прочего, пригласить тебя сегодня вечером к нам на ужин. А завтра утром мы уедем. Аббат Радульфус дал свое позволение и благословение. Иди помолись о хорошей погоде и спокойной поездке для нас, – серьезно промолвил Хью и подтолкнул своего друга в сторону входа на галерею и к южным дверям церкви.

По чистой ли случайности или по странному совпадению появляется перед глазами человек, о котором накануне вспоминали, только среди немногих прихожан, присутствовавших в тот день на мессе в монастырской церкви, была и вдова Перл. Ежедневно несколько мирян преклоняли колени перед приходским алтарем. Одни – потому что по каким-то причинам пропустили мессу в своем приходе, другие – потому что были стары и одиноки и заполняли свои дни посещением церкви, а третьи – потому что хотели обратиться к Богу с важной просьбой и искали особого случая заслужить его милость. Были и такие, у кого оказывались дела в Форгейте и кто рад был хоть на короткое время обрести убежище, где можно спокойно подумать. Именно такое желание и привело сюда вдову Перл.

Со своего места в хоре брат Кадфаэль видел только ее склоненную голову, плечо и руку, остальное заслонял приходский алтарь. Как ни странно, эту тихую, скромную женщину можно было сразу заметить, бросив на нее лишь мимолетный взгляд. Быть может, благодаря ее манере держаться, расправив прямые плечи, или густым каштановым волосам, которые, казалось, низко пригибали голову, смиренно опущенную к сложенным ладоням. Джудит Перл не было и двадцати пяти лет, и ей выпала судьба только три года наслаждаться жизнью в счастливом браке. Однако она кротко несла бремя вдовства, честно занималась делом, которое не доставляло ей никакого удовольствия, и спокойно смотрела на ожидавшее ее одиночество, проявляя при этом удивительную сметку. В счастье или несчастье жизнь есть долг человека, и его следует

выполнять добросовестно.

«Благодарение Богу, – подумал Кадфаэль, – что она не совсем одна: с ней сестра ее матери, которая ведет хозяйство в доме над лавкой, где они теперь живут, и двоюродный брат, что исполняет обязанности мастера и управляющего, снимая тем самым с плеч вдовы груз деловых забот. И одна роза в год как плата за дом с садом в Форгейте, дом, где умер ее муж, – единственное напоминание о ее страданиях, горе и потерях. Она добровольно отдала самое дорогое из всего своего имущества – дом, где была счастлива, – попросив в уплату только одну розу, как бы в память о прошлом, и ничего больше».

Джудит Перл, в девичестве Джудит Вестье, – единственная наследница самого крупного в городе сукновального дела – не была особенно красивой. Однако во всей ее внешности ощущалось некое достоинство, которое привлекало к ней внимание и делало ее заметной даже в густой толпе. Для женщины она была выше среднего роста, прямая и стройная, в ее осанке и походке чувствовалось определенное изящество. Уложенные в косы блестящие, цвета мореного дуба волосы венчали бледное лицо вдовы, сужавшееся от горделивого чела к заостренному подбородку; у нее были широкие выступающие скулы, впалые щеки и выразительный подвижный рот, слишком большой, чтобы его можно было назвать красивым, но благородной формы. Глаза были темно-серыми, очень ясными и большими, они не поверяли своих тайн, но и не скрывали ничего. Четыре года назад Кадфаэль оказался лицом к лицу с этой молодой женщиной у смертного ложа ее мужа, и она ни разу не опустила глаз, не отвернулась и, не дрогнув, смотрела, как счастье ее жизни неумолимо утекает сквозь пальцы. Через две недели у нее случился выкидыш, она потеряла и ребенка. Эдред не оставил ей ничего.

«Хью прав, – подумал Кадфаэль, заставляя себя снова обратиться мыслями к литургии. – Она молода, она должна выйти замуж».

Свет июньского полуденного солнца падал длинными золотыми полосами на хор и стоящие в нем ряды монахов и послушников, высвечивая то тут, то там поллица, оставляя вторую половину в глубокой тени и вынуждая прищуривать глаза от нестерпимого сияния. Свод над головами рассеивал отраженный блеск и превращал его в мягкое, как бы немое свечение, в котором четко прорисовывались каменные резные листья на куполе. Казалось, здесь, в вышине, сливаются музыка и свет. После затянувшейся зимней спячки лето наконец понемногу проникало в храм.

Похоже, Кадфаэль был не единственным, кто не мог сосредоточиться на службе, чьи мысли витали далеко. Регент, брат Ансельм, погруженный в пение, поднял к солнцу вдохновенное лицо, глаза его были закрыты, он знал каждую ноту наизусть. Однако стоявший рядом с ним брат Эльюрик, хранитель алтаря Пречистой Девы, молился рассеянно – повернув голову в сторону приходского алтаря, он прислушивался к доносившемуся оттуда мягкому, тихому пению.

Эльюрик жил в монастыре с детства, но только недавно дал обет и стал монахом. Ему доверили обязанности хранителя алтаря, так как не сомневались, что он достоин этого. Раньше ему, как и другим юным послушникам, по молодости лет не дозволялось всецелое служение. Кадфаэлю всегда казалось неразумным, что тех, кто был послушником с раннего возраста, считали совершенно невинными, почти ангелами, в то время как к обращенным, пришедшим в монастырь по собственной воле и в зрелом возрасте, относились как к людям, постоянно испытывающим искушения и в трудной борьбе преодолевающим их. Так определил святой Ансельм и велел никогда не осыпать друг друга упреками и не завидовать друг другу. Однако когда речь заходила об ответственном деле, его предпочитали поручать обращенным, быть может, потому, что у них был опыт по части противостояния обману, трудностям и соблазнам, которыми полон окружающий мир. А уход за алтарем, свечи, покровы, особые молитвы – все это можно было доверить и невинному.

Брату Эльюрику недавно исполнилось двадцать лет, он был самым образованным и благочестивым среди своих сверстников – высокий, хорошо сложенный юноша, черноволосый и черноглазый. Он жил в монастыре с трехлетнего возраста и не знал ничего о мире, находящемся за монастырскими стенами. Не ведая, что такое грех, он боялся его, как некоего неизвестного чудовища, и на исповеди прилежно, по крупицам, разбираал собственные крошечные слабости, ожидая за них жестокого наказания, как за смертные грехи. Странно было, что столь благочестивый юноша уделяет мало внимания литургии. Эльюрик повернул голову в сторону, так что подбородок касался его плеча, губы были неподвижны, как будто он забыл слова псалма. Не отрываясь, он смотрел туда же, куда несколько минут назад взирал Кадфаэль.

«Вот только с места брата Эльюрика Джудит лучше видно, – подумал Кадфаэль. – И ее склоненное лицо, и сцепленные руки, и складки ткани на груди».

Это созерцание, похоже, не доставляло радости брату Эльюрику, он был напряжен до предела и трепетал, как струна. Когда он опомнился и отвел взгляд, по его телу пробежала дрожь.

«Так-так! – озарило Кадфаэля. – А ведь через восемь дней ему предстоит отнести ей розу. Эту обязанность следовало бы поручить какому-нибудь старому закоснелому грешнику вроде меня, который посмотрит на молодую женщину, насладится этим зрелищем и уйдет, не возбудив волнения в ней и не взволновавшись сам, а не такому легко ранимому юноше, который, конечно же, никогда не оставался наедине с женщиной с тех пор, как мать позволила забрать его у нее из рук. Жаль, что она это сделала! А эта бедная женщина, вдова Перл, самый вид которой заставляет сердце Эльюрика болезненно сжиматься, серьезная и печальная, пережившая столько горя и все же сдержанная, она спокойна, как сама Пречистая Дева. А ему нужно прийти к ней и передать белую розу, и, когда он будет отдавать ей цветок, их руки, наверное, соприкоснутся. Я теперь припоминаю: Ансельм говорил, что юноша немного поэт. Какие же глупости совершаются без всякого злого умысла!»

Теперь было уже поздно обращать свои мысли к тому, чему должно, – к молитве и прославлению Господа. Кадфаэль успокаивал себя надеждой, что, когда братия после службы покинет хор, эта женщина уйдет. И слава Богу, она действительно ушла.

Однако направилась вдова в сарайчик Кадфаэля, где тот и нашел ее, когда явился перелить отвар, который перед мессой поставил остужаться. Джудит терпеливо ждала у открытой двери. Она не хмурила чело, голос не дрожал, – словом, выглядела сия особа совершенно спокойной. Огонь, сжигавший Эльюрика, ее не затронул. Кадфаэль пригласил женщину войти, и она последовала за ним, пройдя под раскачивающимися на сквозняке, шуршащими пучками сушеных трав, которые свисали с потолочных балок.

– Ты как-то делал мне мазь, брат Кадфаэль, если помнишь. От сыпи на руках. У одной из моих чесальщиц появляются мелкие прыщики, когда она обрабатывает состриженную овечью шерсть. Но не каждый год – вот что странно. А нынче с ней опять беда.

– Как же! – промолвил Кадфаэль. – Это было три года назад. Разумеется, я помню. Сейчас я сделаю свежую мазь, если у тебя есть время подождать несколько минут.

Похоже, время у нее было. Джудит села на деревянную лавку у бревенчатой стены и расправила на коленях свою темную юбку. Так она и сидела – прямо и молча, пока Кадфаэль доставал ступку, пестик и маленькие весы с медными гирьками.

– Как идут у вас дела в городе? – спросил он, отвечивая свиной жир и растительное масло.

– Хорошо, – сдержанно ответила женщина. – Мне приходится много заниматься делами мастерской, стрижка овец прошла лучше, чем я ожидала. Не могу жаловаться. Разве не странно, – продолжала она более оживленно, – что шерсть вызывает эту сыпь у Бранвен, а ты пользуешься жиром, снятым с шерсти, чтобы лечить болезни кожи у людей?

– Такое в природе случается, – сказал Кадфаэль. – Есть растения, которых лучше не касаться, а то беда. И никто не знает почему. Мы учимся, наблюдая. Насколько я помню, эта мазь помогла.

– О да, руки у нее быстро зажили. Но я не хочу больше давать ей чесать шерсть, а думаю научить ее ткать. Когда шерсть будет вымыта, спрядена и выкрашена, может быть, она не станет раздражать ей кожу. Бранвен – смышленная девушка, она скоро научится.

Кадфаэлю, который трудился, повернувшись к Джудит спиной, показалось, что она говорит, лишь бы не молчать, но думает о чем-то очень далеком. Поэтому монах совсем не удивился, когда внезапно Джудит произнесла совершенно иным тоном, решительно и твердо:

– Брат Кадфаэль, я думаю постричься в монахини. Кроме шуток... Мир не столь хорош, чтобы стоило колебаться – уходить из него или нет, да и положение мое таково, что мне не на что надеяться и ждать, когда наступят лучшие времена. Дело может спокойно обойтись без меня, кузен Майлс вполне успешно ведет его и дорожит им гораздо больше, чем я. О, свои обязанности я выполняю как положено, но он прекрасно справится и один. Что же мне колебаться?

Кадфаэль обернулся и, покачивая на ладони пестик, посмотрел на женщину:

- Ты говорила об этом тете и кузену?

- Я намекнула.

- И что они сказали?

- Ничего. Это мое дело. Майлс никогда не станет вмешиваться или давать советы. Думаю, он не принял мои слова всерьез. А тетя - ты знаешь ее хоть немного? Она вдова, как и я, и не перестает горевать, даже спустя столько лет. Она говорит, что в монастыре покойно и что там человек свободен от мирских забот. Она всегда так говорит, хотя я знаю, что она вполне довольна своей жизнью, если уж говорить правду. А я - я живу, брат Кадфаэль, выполняю свою работу, но нет мне успокоения. Может быть, уйдя в монастырь, я приобрету что-то определенное, прочное.

- Но не то, что требуется, - твердо сказал Кадфаэль. - По крайней мере, не то, что нужно тебе.

- Почему же не то? - возразила Джудит.

Капюшон упал с ее головы, и толстые светло-каштановые косы блеснули в угасающем свете дня, словно жилистая дубовая древесина.

- Нельзя относиться к монашеской жизни как к вынужденному решению, к которому толкает безысходность, а ты делаешь именно это. Уходить в монастырь можно, лишь если есть искреннее стремление посвятить себя Богу, или не следует уходить вовсе. Мало одного желания бежать от мира, нужно гореть желанием жить жизнью, заключенной в монастырских стенах.

- А с тобой было так? - спросила Джудит Перл, неожиданно улыбнувшись, и лицо ее на мгновение потеплело.

Кадфаэль некоторое время молча размышлял.

– Я поздно пришел к этому, и, быть может, огонь во мне горел немного вяло, – честно признался монах. – Но он давал достаточно света, чтобы указать путь, по которому мне пойти. Я бежал к чему-то, а не от чего-то.

Молодая женщина посмотрела в лицо монаху своим пугающе прямым взглядом и проговорила твердо, ясно, тщательно подбирая слова:

– Тебе никогда не приходило в голову, брат Кадфаэль, что у женщины может быть больше оснований бежать от мира, чем было у тебя? Больше опасностей, от которых хочется скрыться, а другого способа нет, только бегство.

– Это правда, – согласился Кадфаэль, растирая в ступке приготовляемую мазь. – Но насколько мне известно, ты в лучшем положении, чем другие. Ты можешь поступать, как найдешь нужным, да и мужества у тебя больше, чем у многих из нас, мужчин. Ты сама себе хозяйка, твоя родня зависит от тебя, а не наоборот. И никто не имеет права повелевать тобой и определять твое будущее, никто не может заставить тебя снова выйти замуж. Я слышал, есть много охотников, но у них нет власти над тобой. Отца твоего нет в живых, нет и ни одного старшего родственника, который мог бы оказывать давление. Как бы мужчины ни донимали, как бы ты ни устала от них, тебе известно, что ты им больше чем ровня... А что касается твоей утраты, – добавил Кадфаэль после минутного колебания, как бы сомневаясь, имеет ли право заходить так далеко, – то это утрата только в здешнем мире. Ожидание – нелегкая вещь, но, поверь, ожидать среди забот и безумия мирской жизни не труднее, чем в уединении и тишине монастыря. Я видел многих, совершивших подобную ошибку: у них были для этого веские причины, но потом эти люди страдали вдвойне. Не искушай судьбу. Хотя бы пока не будешь уверена, чего именно хочешь, и не возжелаешь этого всем сердцем, всей душой.

Продолжать Кадфаэль не осмелился, он и так сказал больше, чем имел на то право. Женщина выслушала его, не отводя глаз. Монах чувствовал на себе ее взгляд все время, пока выкладывал мазь в горшочек и прилаживал к нему крышку, чтобы нести его можно было без боязни.

– Через два дня в Шрусбери из обители бенедиктинок, что у Годрикс-Форда, придет сестра Магдалина, дабы забрать с собой племянницу брата Эдмунда, которая хочет уйти в монастырь, – промолвил Кадфаэль. – Что движет девушкой, я не знаю, но, если сестра Магдалина берет ее в послушницы, очевидно, та поступает по убеждению. За девушкой будут внимательно наблюдать и

разрешат пострижение не раньше, чем сестра Магдалина убедится, что таково ее призвание. Не поговорить ли тебе с сестрой Магдалиной? Думаю, ты слышала о ней.

– Слышала. – Голос Джудит прозвучал мягко, но в самом тоне мелькнула легкая усмешка. – Когда она пришла в обитель у Годрикс-Форда, вряд ли она руководствовалась тем, о чем ты говорил.

Этого Кадфаэль отрицать не мог. Сестра Магдалина, прежде чем стать монахиней, в течение многих лет была любовницей одного барона, а когда он умер, начала искать другое поле для приложения своих немалых дарований. Безусловно, монастырь она выбрала со свойственным ей практицизмом, по здравому размышлению. Но это искупалось энергией и преданностью, с которыми она занималась делами монастыря, коему посвятила себя целиком, и она не собиралась жить иначе до самой смерти.

– Насколько я знаю, сестра Магдалина чуть ли не единственная в своем роде, – заметил Кадфаэль. – Ты права, она ушла в обитель, следуя не призванию, а жажде деятельности, и действует она очень успешно. Мать Мариана стара и теперь прикована к постели, все заботы легли на плечи Магдалины, и я не знаю никого, кто бы лучше справлялся с ними. Не думаю, что она скажет тебе, как сказал я, что единственная причина для пострижения в монахини – искреннее желание посвятить свою жизнь Богу. Тем более оснований выслушать ее совет и тщательно взвесить ее слова, прежде чем совершить столь серьезный шаг. Только помни: ты молода, а она уже попрощалась со своей молодостью.

– А я свою похоронила, – спокойно произнесла Джудит, без всякой жалости к себе, просто как человек, сознающий положение вещей.

– Что же касается возможного прибежища, – добавил Кадфаэль, – его можно найти и вне монастырских стен. Вести дело, которое основали твои предки, обеспечивать работой столько людей – само по себе достаточное оправдание своего существования, чтобы желать чего-то большего.

– Мне для этого не нужно прикладывать особых усилий, – произнесла Джудит равнодушно. – Ну, я ведь только сказала, что подумываю о монастыре. Пока еще ничего не решено. Как бы то ни было, я буду рада поговорить с сестрой Магдалиной. Я ценю ее ум и вовсе не собираюсь отбрасывать без разбора все,

что она скажет. Дай мне знать, когда сестра Магдалина приедет, я пошлю за ней и приглашу к себе или приду туда, где она остановится.

Джудит поднялась и взяла из рук Кадфаэля горшочек с мазью. Стоя она оказалась пальца на два выше монаха, худая и узкокостная. Венец ее уложенных кос выглядел слишком тяжелым, и это лишь подчеркивало благородную посадку головы.

– У твоих роз уже набухли бутоны, – заметила Джудит, когда, выйдя из сарайчика, они вместе с Кадфаэлем шли по посыпанной гравием дорожке. – Как бы они ни запаздывали, все равно ко времени расцветут.

«То же можно сказать о самой жизни, как мы ее сейчас обсуждали, – подумал Кадфаэль, но вслух ничего не сказал. – Лучше предоставить Джудит мудрости проникательной сестры Магдалины».

– А твои? – спросил он. – К празднику святой Уинифред будет много цветов. Ты получишь в уплату самую красивую и самую свежую розу.

Мимолетная улыбка скользнула по лицу Джудит, но тут же погасла. Глаза ее по-прежнему были опущены долу.

– Да, – согласилась она, не прибавив ни слова.

«Возможно ли, что она заметила беспокойство, обуявшее брата Эльюрика, и оно взволновало ее? Уже трижды он приносил ей розу... а потом... как долго... в ее присутствии? Две минуты в год? Может быть, три? Ни одна мужская тень не стояла перед взором Джудит Перл, ни одного из живых мужчин. И тем не менее, – подумал Кадфаэль, – ее могло тронуть не появление молодого человека в ее доме, но близость страдания».

– Я сейчас иду туда, – сказала Джудит, отрываясь от своих мыслей. – Я потеряла пряжку от пояса, и мне хотелось бы заказать новую, чтобы она подходила к розеткам, что идут по кругу и накладке на другом конце пояса. Эмаль на бронзе. Эдред как-то подарил мне этот пояс. Найалл, бронзовых дел мастер, может повторить рисунок. Он прекрасно знает свое ремесло. Я рада, что аббатство нашло для дома такого хорошего нанимателя.

– Дстойный, славный человек, – подтвердил Кадфаэль, – и хорошо смотрит за садом. Увидишь, как ухожен твой розовый куст.

Джудит ничего не ответила, просто поблагодарила Кадфаэля за мазь, когда они расстались на большом дворе, и пошла по Форгейту к дому, стоявшему позади монастырской кузницы, дому, где она прожила с мужем всего несколько лет. А Кадфаэль отправился вымыть руки перед трапезой. Возле угла галереи он обернулся, глянул вслед молодой женщине и продолжал смотреть, пока она, пройдя под аркой ворот, не скрылась из виду. У нее была походка, которая вполне подошла бы аббатисе, но, по мнению Кадфаэля, такая походка ничуть не менее пристала и толковой наследнице самого богатого в городе суконщика. Кадфаэль двинулся в трапезную, убежденный, что был прав, отговаривая Джудит Перл от монашеской жизни. Сейчас она смотрит на монастырь как на убежище, но может наступить время, когда он покажется ей темницей, не менее тесной оттого, что она вошла туда добровольно.

Глава вторая

Дом в Форгейте, бывший ранее жилищем Джудит Перл, находился там, где стена аббатства поворачивала под углом от дороги, которая вела к треугольной, поросшей травой ярмарочной площади. На противоположной стороне дороги стена понижее ограждала двор, в котором стоял большой добротный дом с хорошим садом и маленьким выпасом позади него. В доме располагались мастерская и лавка бронзовых дел мастера Найалла. Найалл изготавливал разные изделия и торговал всякой всячиной – от брошей и пуговиц, мелких гирь и булавок до металлических кухонных горшков, кувшинов и блюд. Дело его шло хорошо, и он платил аббатству изрядную сумму за аренду дома. Иногда он вместе с другими своими товарищами по ремеслу занимался даже отливкой колоколов, но такие заказы были редки, и для их выполнения приходилось уезжать на место работы, потому что тяжелые готовые колокола трудно было перевозить.

Мастер трудился в углу над широким блюдом. Деревянным молотком и чеканом он заканчивал выводить по его краю узор из листьев. Когда Джудит вошла в мастерскую, на ее лицо и фигуру из открытого окна упал косой мягкий свет, и Найалл, обернувшийся посмотреть, кто пришел, увидел ее, на мгновение застыл,

не выпуская инструменты из рук. Потом он положил их и пошел навстречу посетительнице.

– К твоим услугам, госпожа! Чем могу быть полезен?

Они были едва знакомы, только как ремесленник, держащий лавочку, и заказчица, но то обстоятельство, что он жил и работал в доме, который она подарила аббатству, заставляло их относиться друг к другу с особым, напряженным вниманием. За те годы, что Найалл являлся съемщиком дома, Джудит была у него в мастерской раз пять: он снабжал ее булавками, заколками для кружев к корсажам платьев и мелкой кухонной посудой, а кроме того, он сделал ей печать дома Вестье. Найалл знал все о Джудит: благодаря тому что она подарила дом монастырю, ее история стала общеизвестна. Однако Джудит мало что знала о Найалле, только то, что аббатство сдало ему некогда принадлежавший ей дом, и то, что о самом мастере и о его работе с похвалой отзывались и в городе, и в Форгейте.

Джудит положила на длинный стол свой требующий починки пояс – тонкую полоску мягкой, прекрасно выделанной кожи. Он был украшен маленькими бронзовыми розетками, окружавшими дырочки для языка пряжки, и на другом его конце имелась бронзовая накладка. Яркие эмалевые вставки на бронзе выглядели чистыми и новыми, однако швы на коже были потертыми и пряжка отсутствовала.

– Я потеряла ее где-то в городе, – сказала Джудит. – Дело было вечером, когда уже стемнело, и я не заметила, как пояс соскользнул из-под плаща. Я потом вернулась и стала искать, но нашла только ремень, пряжка пропала. Шел дождь, кругом стояли лужи, в канавах было полно талой воды. Сама виновата: я же видела, что нитки износились, его следовало починить раньше.

– Тонкая работа, – заметил Найалл, поглаживая пальцами бронзовый наконечник. – Он куплен, конечно, не здесь?

– Нет, здесь, но у фламандского купца, на ярмарке в аббатстве. Я часто носила его, – добавила молодая женщина, – но с конца зимы, когда я потеряла пряжку, он так и лежит. Ты не мог бы сделать мне новую, такую, чтобы подходила по рисунку и по цвету? Та была удлиненная – вот такая! – Джудит показала кончиком пальца на столе, какой была утерянная пряжка. – Но не обязательно

делать такую же, можно овальную или любой другой формы, как тебе покажется лучше.

Они склонились над столом, и головы их оказались рядом. Джудит подняла глаза и, казалось, удивилась близости лица Найалла, но мастер был занят изучением того, как выполнены бронзовые украшения и эмалевые вставки, и не заметил ее острого, любопытного взгляда. «Достойный, славный человек» – так сказал о нем Кадфаэль, а в устах Кадфаэля это был прекрасный отзыв. Достойные, славные люди составляли костяк общества, их уважали и ценили гораздо больше, чем тех, кто без конца суетился. Бронзовых дел мастер Найалл мог служить образцом таких достойных людей. Он был среднего роста, среднего возраста, волосы не то чтобы темные, а скорее средне-каштановые, голос приятный, густой. Джудит подумала, что ему, наверное, лет сорок. Она отметила его мягкие, уверенные, точные движения. Когда он выпрямился, они оказались буквально лицом к лицу.

Все в Найалле соответствовало облику обычного достойного человека, которого подчас трудно отличить от его соседа, но как бы то ни было, в совокупности черты его не оставляли сомнения: это именно он, Найалл, и никто другой. У него были густые темные брови, широкие скулы, темно-карие, живые, широко посаженные глаза, в его каштановой шевелюре серебрились седые волоски, гладко выбритый подбородок выступал вперед.

– Это очень срочно? – спросил он. – Мне бы хотелось хорошенько поработать. Может быть, дня два или три.

– Никакой спешки нет, – с готовностью откликнулась Джудит. – Я так долго собиралась чинить его, что еще неделя не имеет значения.

– Тогда не позволишь ли мне самому принести его? Я знаю, где твой дом в городе, и тебе не надо будет приходить за ним. – Это было сказано очень вежливо, но с некоторыми колебаниями, как будто Найалл был не вполне уверен, не примет ли женщина этот знак учтивости за назойливость.

– Тебе, наверное, некогда. Разве что если у тебя есть помощник... Но я и сама могу прийти за поясом.

– Я работаю один, – сказал Найалл. – Но я охотно принесу пояс вечером, когда становится темно. Других дел у меня нет, и совсем не обязательно работать день и ночь.

– Ты живешь здесь один? – спросила Джудит, как бы желая утвердиться в своих предположениях. – У тебя нет жены? Нет семьи?

– Моя жена умерла пять лет назад. Я привык жить один и вполне справляюсь с тем немногим, что мне нужно. Но у меня есть маленькая дочка. Ее мать умерла во время родов. – Найалл увидел, как внезапно напряглось лицо Джудит, как слабо блеснули ее глаза. Она подняла голову и оглянулась, как будто ожидая увидеть следы присутствия в доме ребенка. – О, здесь ее нет! Я не мог ухаживать за ней. У меня есть сестра, она живет в Палли, это недалеко. Она замужем за конюхом Мортимеров, он работает в их поместье. У сестры своих два сына и дочка, чуть постарше моей. Малышка живет с ними, там она под присмотром женских глаз, и у нее есть с кем поиграть. Каждое воскресенье я хожу навестить ее, а иногда и в будни, вечерами, но ей лучше с Сесили, Джоном и ребятами, чем было бы здесь, со мной, по крайней мере пока она маленькая.

Джудит глубоко вздохнула. Значит, он тоже вдовец, и с ним случилось такое же горькое несчастье, как и с ней, но у него есть бесценное сокровище, а у нее ничего нет.

– Ты и представить не можешь, как я тебе завидую, – вдруг произнесла она. – Мой ребенок умер.

Она не собиралась говорить так много, но это получилось естественно и просто, и мастер так же естественно и просто воспринял ее слова.

– Я слышал о твоем горе, госпожа, и очень тебе сочувствовал, потому что незадолго до того пережил то же самое. Но у меня хоть осталась моя крошка. Благодарение Богу за нее! Когда на человека обрушивается такой удар, он начинает понимать, какая это великая милость, и ценить ее.

– Да, верно, – промолвила Джудит и отвернулась. Потом, овладев собой, она добавила: – Я верю, что дочка всегда будет источником радости для тебя. А за поясом я приду через три дня, если тебе хватит этого времени. Не надо приносить его.

Женщина была уже в дверях, прежде чем Найалл собрался что-то сказать, да и говорить было нечего. Он смотрел, как она прошла по двору и свернула на дорогу, а когда Джудит скрылась из глаз, вернулся к оставленной на верстаке работе.

Примерно за час до вечерни брат Эльюрик, хранитель алтаря Пречистой Девы, почти украдкой выскользнул из-за своего рабочего стола в скриптории, перебежал большой монастырский двор и, оказавшись у дома аббата, расположенного в маленьком, обнесенном изгородью садике, испросил аудиенции у настоятеля монастыря. Эльюрик так нервничал и вел себя так странно, что брат Виталис, капеллан и секретарь аббата Радульфуса, вопросительно поднял брови и немного помедлил, прежде чем доложить о нем. Однако аббат Радульфус строго придерживался того правила, что любой из монахов, попавший в беду или испытывающий нужду в совете настоятеля, должен быть немедленно допущен к нему. Виталис пожал плечами и пошел просить у аббата позволения, которое тут же и было дано.

В большой, обшитой деревянными панелями приемной яркий свет солнца смягчался, превращаясь в легкую, приятную дымку. Переступив порог, Эльюрик остановился и услышал, как дверь тихо закрылась за ним. Аббат Радульфус сидел за столом у распахнутого окна, держа в руках перо. Какое-то время он не поднимал глаз от того, что писал. Его орлиный профиль, вырисовывающийся против света, казался темным и спокойным, высокий лоб и впалые щеки были очерчены золотистым ободком. Эльюрик испытывал благоговейный трепет перед аббатом и все же с надеждой и благодарностью потянулся к исходившим от Радульфуса спокойствию и уверенности, столь далеким от того, что чувствовал он сам.

Аббат закончил фразу и положил перо на стоящий перед ним бронзовый лоток.

– Ну, сын мой? Я слушаю. – Он поднял глаза. – Если у тебя есть необходимость во мне, говори смело.

– Отец мой, – едва смог произнести Эльюрик. Его горло сжалось и пересохло, а голос звучал так слабо, что его с трудом можно было слышать на другом конце комнаты. – Я в большой беде. Я даже не знаю, как рассказать о ней, не знаю, насколько это мой позор, а насколько моя вина. Видит Бог, я боролся, я

постоянно молился, чтобы уберечься от зла. Я и проситель, и кающийся грешник, и все же я не согрешил и еще надеюсь, что милостью своей и пониманием ты спасешь меня от преступления.

Радульфус присмотрелся к Эльюрику внимательнее и увидел, какое сильное напряжение сковывает тело юноши, как он трепещет, словно натянутая тетива. Сверхчувствительный юноша, вечно мучимый угрызениями совести из-за проступков, которые часто были либо воображаемыми, либо столь простительными, что считать их грехом само по себе являлось преступлением, поскольку это значило идти против истины.

– Дитя мое, – промолвил аббат успокаивающим тоном, – насколько я тебя знаю, ты постоянно торопишься обвинить себя в тяжких грехах из-за всякой мелочи, которую разумный человек не счел бы достойной упоминания. Берегись впасть в гордыню! Ибо умеренность во всем не только ясный путь к совершенству, но самый верный и самый скромный. А теперь говори прямо, и давай вместе посмотрим, что можно сделать, чтобы покончить с твоей бедой. – И добавил, оживившись: – Подойди ближе! Я хочу видеть тебя хорошенько и слышать, что? разумного ты скажешь.

Эльюрик, еле передвигая ноги, приблизился, облилизал сухие губы и с такой силой сцепил перед собой дрожащие руки, что побелели костяшки пальцев.

– Отец мой, через восемь дней наступит день перенесения мощей святой Унифред, и нужно отнести розу в уплату за дом в Форгейте... госпоже Перл, которая подарила его с таким условием... по договору...

– Да, – сказал Радульфус. – Я знаю. И что же?

– Отец мой, я пришел просить, чтобы меня освободили от этой обязанности. Трижды я относил розу, как сказано в договоре, и с каждым годом это все труднее для меня. Не посылайте меня снова! Снимите с меня это бремя, прежде чем я погибну! Это больше, чем я могу вынести! – Эльюрик сильно дрожал, ему было трудно говорить. Поток слов извергался из его уст какими-то болезненными толчками, словно струи крови из раны. – Отец мой, видеть ее, слышать ее – му?ка для меня. Быть с ней в одной комнате – смертельная боль. Я молился, я соблюдал пост, умолял Бога и святых освободить меня, но никакие молитвы, никакое умерщвление плоти не могут избавить меня от этой

непрошеной любви.

После того как было произнесено последнее слово, аббат Радульфус некоторое время сидел молча, выражение его лица не изменилось, только в глубоко посаженных глазах блеснуло больше внимания.

– Любовь сама по себе не греховна, – осторожно промолвил он наконец. – Она не может быть грехом, хотя способна ввести в искушение. Было ли когда-нибудь сказано хоть одно слово об этой необычной привязанности между тобой и этой женщиной, был ли какой-нибудь жест или взгляд, который нарушил бы данный тобой обет или оскорбил ее достоинство?

– Нет! Нет, отец мой, никогда! Никогда ни одного слова, кроме слов учтвого приветствия, и прощания, и благословения, положенного такой благодетельнице. Ничего дурного не было ни сделано, ни сказано, преступно только мое сердце. Она ничего не знает о моих муках, она не думает и никогда не будет думать обо мне иначе, как только о посланце нашей обители. Сохрани Боже, чтобы она когда-нибудь узнала о моих страданиях, ведь она безупречно чиста. Не только ради моего блага, но и ради нее я умоляю освободить меня от необходимости снова видеть ее. Такая боль, какую я испытываю, может смутить ее и огорчить, даже если она не поймет, чем вызваны мои муки. Ни в коем случае я не хочу причинить ей горе.

Аббат Радульфус резко поднялся с кресла, а Эльюрик, лишенный последних сил исповедью и убежденный в собственной виновности, рухнул на колени и обхватил голову руками, ожидая приговора. Однако аббат лишь отвернулся к окну и постоял немного, глядя на залитый вечерним солнцем мир, на садик, где в изобилии набухали бутоны его роз.

«Слава Богу, больше не будет малолетних послушников, не придется печалиться об их судьбе, – подумал аббат. – Не будут вынимать младенцев из колыбели и растить так, чтобы они не знали ни самого вида женщин, ни звука их голоса, обкрадывая тем самым ребенка, лишая его общения с половиною Божьих созданий. Как можно ожидать, что потом эти дети справятся с чувствами, которые им чужды и которые пугают их, мысль о которых преследует их, как страшный дракон? Рано или поздно им на пути встретится женщина, и окажется, что она наводит на них ужас, как армия врага, идущая в наступление с развернутыми знаменами, а искалеченные с детства люди, безоружные и беззащитные, должны противостоять этому! Мы причиняем зло женщинам и

причиняем зло этим юношам, позволяя им созревать, становиться мужчинами, беспомощными перед зовом плоти. Предохраняя их от опасностей внешнего мира, мы лишаем их средств, с помощью которых они могли бы защитить самих себя. Ладно, больше этого не будет! Теперь в монастырь станут приходить только в зрелом возрасте, по собственной воле, и то будут люди, готовые нести свою ношу. Однако бремя, гнетущее этого юношу, ложится и на меня».

Аббат отвернулся от окна и посмотрел на молодого монаха. Эльюрик стоял на коленях, закрыв лицо руками, гладкими, мягкими, молодыми, и слезы медленно текли у него между пальцев.

– Посмотри на меня! – потребовал аббат, а когда юноша со страхом поднял к нему измученное лицо, добавил: – Теперь отвечай правду и не бойся. Ты никогда ни слова не говорил этой госпоже о своей любви?

– Нет, отец мой!

– И она никогда не произносила подобных слов и не бросала на тебя взглядов, которые могли бы зажечь любовь или хотя бы заронить мысль о ней?

– Нет, отец мой, никогда, никогда! Она недостижима для меня! Я для нее ничто! – Со слезами отчаяния юноша добавил: – Это я, к своему позору, замарал ее любовью, о которой она ничего не знает.

– Правда? Как же твое несчастное чувство могло оскорбить эту женщину? Скажи, ты в мечтах когда-нибудь касался ее? Обнимал? Обладал ею?

– Нет! – вскричал Эльюрик с болью и ужасом. – Боже упаси! Разве я мог так осквернить ее? Я благоговею перед ней, для меня она как святая. Когда я зажигаю свечи, которые куплены благодаря ее щедрости, в их сиянии я вижу ее лицо. Я только паломник к ее образу. Но как это больно... – простонал Эльюрик и, уцепившись за полы рясы аббата, зарылся лицом в складки.

– Хватит! – повелительным тоном произнес аббат и положил руку на склоненную голову юноши. – Ты расточаешь слишком много слов, говоря о естественных, свойственных каждому человеку вещах. Излишество заслуживает порицания, и в этом ты виноват. Что же касается искушения, которому ты, к несчастью, подвергся, то ты не совершил ничего дурного, наоборот, вел себя правильно.

Это ясно. Не следует бояться и упреков со стороны женщины, чью добродетель ты так превозносишь. Ты не обидел ее. Я знаю, что ты неизменно правдив. Ты говоришь правду, как видишь и понимаешь ее. Потому что правда – очень непростая штука, сын мой, и человек может ошибаться, его ум несовершенен. Я виню себя, что подверг твою душу этому испытанию. Мне следовало предвидеть, что оно окажется слишком суровым для столь молодого и неопытного человека, как ты. Теперь встань! Твоя просьба удовлетворена. Впредь ты освобождаешься от этой обязанности.

Аббат решительно взял Эльюрика за руки и помог ему подняться, потому что тот был настолько опустошен и так дрожал от слабости, что, казалось, без помощи и не встанет. Юноша начал бормотать слова благодарности, но язык плохо повиновался ему, и самые обычные выражения давались ему с трудом. Понемногу ему становилось легче, покой стал возвращаться к нему. Однако одна мысль все же не отпускала Эльюрика, вызывая мучительную тревогу.

– Отец мой... договор... он же будет нарушен, если не принести розу...

– Розу вручат, – сказал Радульфус. – Плата будет внесена. Эту заботу я теперь снимаю с твоих плеч. Убирай свой алтарь и не думай больше о том, кто и как будет выполнять сию обязанность.

– Отец мой, что мне еще сделать для очищения души? – отважился спросить Эльюрик, сотрясаемый последними приступами дрожи.

– Покаяние будет благотворно для тебя, – произнес аббат чуть-чуть устало. – Однако берегись, не требуй себе излишне тяжкого наказания. Ты далеко не святой, все мы таковы, но ты и не завзятый грешник, и не будешь им никогда, дитя мое.

– Господи упаси! – прошептал перепуганный Эльюрик.

– Вот именно, сохрани нас Господь от ненужных рассуждений о своих добродетелях и проступках, – сухо произнес аббат. – На все Божья воля, без нее не случится ничего – ни похвального, ни предосудительного. А для успокоения души пойди и исповедуйся, но сделай это, как я сказал, сдержанно и скажи своему духовнику, что ты был у меня и получил мое благословение и что я освободил тебя от обязанности, которая оказалась тебе не по силам. А потом

выполняя назначенную епитимью и остерегайся требовать серьезного наказания.

Брат Эльюрик вышел от аббата на дрожащих ногах, опустошенный, чувства его притупились, он только страшился, что такое состояние долго не продлится. Радости не было, но не было и боли. С ним обошлись по-доброму. Он шел к аббату, надеясь, что его освободят от жестокого испытания – оказаться вблизи этой женщины – и тем будет положен конец его мукам... а теперь эта пустота у него внутри – как сказано в Библии: готовый принять жильцов чисто убранный дом, отчаянно жаждущий, чтобы в нем поселились, а кто – ангелы или черти – все равно.

Эльюрик поступил, как ему велел аббат. Пока он был послушником, его исповедовал брат Жером, тень и уши приора Роберта, и от Жерома он мог ожидать серьезного наказания, которого жаждала его измученная душа. Но теперь ему надлежало обратиться к субприору Ричарду, а Ричард был известен своим благодушием и стремлением (как по доброте душевной, так и по собственной лени) утешать провинившихся. Эльюрик постарался выполнить наказ аббата – не щадить себя, но и не возводить на себя обвинений в том, чего не совершал даже в мыслях. Когда все было закончено, назначено покаяние и дано отпущение, Эльюрик продолжал стоять на коленях, закрыв глаза и сдвинув брови, словно от боли.

– Что-нибудь еще? – спросил Ричард.

– Нет, отец мой... О том, что было, больше сказать нечего... но я боюсь... – Оцепенение стало проходить, и внутри у Эльюрика появилась легкая боль, говорившая, что пустой дом не долго останется нежилым. – Я сделаю все, чтобы изгнать саму память об этом недозволенном чувстве, но я не уверен... не уверен! А если мне не удастся? Я боюсь собственного сердца...

– Сын мой, если твое сердце подведет тебя, ты должен обратиться к единственному источнику силы и сострадания и молиться о помощи, и Господь не оставит тебя. Ты служишь алтарю Пресвятой Девы, а она – сама чистота. К кому же еще обращаться за милостью?

Действительно, к кому еще! Однако милость – это не река, в которую человек может погрузиться по собственному желанию, это родник, который то бьет и

играет, то пересыхает и замирает. Эльюрик исполнял покаяние: опустившись на колени на каменный пол, он заново убирал алтарь и полузадыхающимся страстным шепотом произносил слова молитвы.

Закончив работу, он не встал с колен, каждым нервом, каждой жилкой своего тела продолжая умолять о мире и покое. Ему следовало бы радоваться: он получил защиту, его освободили от угрозы смертного греха. Никогда больше не увидит он лица Джудит Перл, не услышит ее голоса, не вдохнет слабого аромата, исходившего от ее платья. Он думал, что, избавившись от искушения, избавится и от мук. Теперь он понял, что глубоко ошибался.

Ломая руки от раздиравшей его боли, Эльюрик неистово, беззвучно молился Пресвятой Деве, верным слугой которой он был и которая одна могла поддержать его теперь. Однако когда он открыл глаза и посмотрел на золотые язычки пламени свечей, то в их сиянии увидел перед собой женское лицо, так безумно притягивающее его взгляд.

Он ни от чего не освободился, он лишь отверг необыкновенное блаженство, причинив этим себе невыносимую боль, и теперь все, что у него оставалось, – это его бесплодная непорочность, жестокая необходимость выполнять обет, чего бы то ни стоило. Он – человек долга, он сдержит данное слово.

Но никогда больше не увидит ее.

Кадфаэль возвращался из города, желая успеть к повечерию. Его вкусно накормили, напоили, он был очень доволен тем, как провел вечер, хотя, естественно, огорчился, что три, а то и все четыре месяца не увидит Элин и своего крестника Жилия. На зиму Хью, конечно, привезет их обратно в город, но к этому времени мальчик вырастет так, что его будет не узнать, ведь ему вот-вот исполнится три года. Ладно, пусть лучше они проведут жаркие месяцы на севере, в Мэзбери, в тишине и покое скромного поместья Хью, чем на переполненных народом улицах Шрусбери, где легче легкого подцепить какую-нибудь заразу. Не надо ворчать, что они уезжают, как бы ему ни было скучно без них.

Когда Кадфаэль переходил мост, наступили уже теплые ранние сумерки с их мягкой приятной меланхолией, как нельзя лучше отвечающей настроению

монаха. Он прошел мимо того места, где к самому тракту подступали деревья и кусты, спускавшиеся к заросшему берегу реки, к садам Гайи – главным садам аббатства, проследовал мимо оставшегося справа тихого мельничного пруда, блеснувшего серебром, и свернул к воротам аббатства. Привратник сидел у входа в свое жилище, дышал свежим воздухом и наслаждался вечерней прохладой, одновременно выполняя свои обязанности.

– Вот наконец и ты! – промолвил он, когда Кадфаэль вошел в открытую калитку. – Опять был в гостях! Хотел бы и я иметь крестника в городе!

– У меня позволение, – произнес Кадфаэль миролюбиво.

– Случалось, что ты не мог этого сказать, да еще с таким самодовольством! Нет-нет, я знаю, что сегодня вечером тебя отпустили, и вернулся ты вовремя. Но тебя ждет еще одно дело: отец аббат хочет, чтобы ты зашел к нему. «Сразу, как только вернется» – так он сказал.

– Так он сказал, правда? – переспросил Кадфаэль, удивленно подняв брови. – А в чем дело? В такой час? Случилось что-нибудь неожиданное?

– Насколько я знаю – нет, в обители не было никакого шума, все тихо, как сама ночь. Просто зовет, как обычно. За братом Ансельмом тоже послали, – добавил привратник мирно. – А зачем – не сказали. Иди-ка скорее, там и узнаешь.

Кадфаэль, не споря, быстрым шагом двинулся через большой двор к покоям аббата. Брат Ансельм, регент хора, уже был там, он удобно устроился на резной скамье, стоявшей у обшитой деревянными панелями стены. Ничто не предвещало тревожных новостей: и аббат, и регент держали в руках бокалы с вином. Как только Кадфаэль доложил о своем появлении, ему немедленно предложили такой же бокал. Ансельм подвинулся на скамье, давая место другу. Регент, являвшийся и главным хранителем библиотеки, рассеянный человек, на десять лет моложе Кадфаэля, казался немного не от мира сего, если дело шло не о том, к чему он испытывал привязанность. Однако он весьма живо относился ко всему, что касалось книг, и был тонким знатоком музыки и инструментов, из которых ее извлекали, и прежде всего лучшего из них – человеческого голоса.

Голубые глаза Ансельма, глядевшие из-под темных кустистых бровей и шапки косматых каштановых волос, были близорукими, однако они почти ничего не

упускали из того, что происходило вокруг, и склонны были с терпимостью взирать на проступки, совершаемые человеческими существами, особенно если эти существа были молоды.

– Я послал за вами, – произнес аббат Радульфус после того, как дверь в комнату плотно закрыли, чтобы никто не мог подслушать их разговор, – потому что случилась одна вещь, которую я предпочел бы не выносить завтра на собрание капитула. Конечно, это станет известно еще одному человеку, но он услышит об этом на исповеди, а тайна исповеди священна. В остальном мне бы хотелось, чтобы все осталось между нами. У вас обоих, когда вы пришли в монастырь, был долгий опыт мирской жизни, и вы поймете причины, которыми я руководствуюсь. Кроме того, вы оба являетесь свидетелями в договоре, по которому мы получили дом в Форгейте от вдовы Перл. Я просил Ансельма принести с собой эту грамоту.

– Она здесь, – сказал брат Ансельм, расправляя лист пергамента у себя на коленях.

– Прекрасно! Итак, дело заключается вот в чем. Сегодня после полудня ко мне пришел брат Эльюрик, хранитель алтаря Пресвятой Девы. На убранство и уход за этим алтарем идут доходы от дома, подаренного нам вдовой Перл, поэтому казалось естественным, что именно брат Эльюрик каждый год приносит этой женщине условленную плату. Однако он просил освободить его от этой обязанности. По причине, которую я должен был предвидеть. Ведь никто не будет отрицать, что госпожа Перл привлекательная женщина, а брат Эльюрик молод, совершенно неопытен и легко уязвим. Он говорит, и я склонен верить ему, что они никогда не обменялись ни одним неподобающим словом или жестом и что у него никогда не возникало похотливых мыслей на ее счет. Однако он просил избавить его от дальнейших встреч, потому что он мучается и боится впасть в искушение.

«Крайне осторожно подобранные слова, плохо передающие страдания брата Эльюрика, – подумал Кадфаэль. – Однако, слава Богу, несчастье, кажется, удалось вовремя предотвратить. Юноша получил то, о чем просил».

– И его просьба удовлетворена, – произнес Ансельм скорее утвердительно, чем вопросительно.

– Да, удовлетворена. Наше дело – учить молодых, как бороться с мирскими и плотскими искушениями, но в наши обязанности не входит подвергать их таким искушениям. Я виню себя, что не обратил достаточного внимания на то, как было поставлено дело, и не предусмотрел последствий. Эльюрик был очень взволнован, однако я верю ему, когда он говорит, что не согрешил даже в мыслях. Я освободил его от этой обязанности. Но я не хочу, чтобы о его суровом испытании стало известно братии. В любом случае ему придется нелегко, пусть же, по крайней мере, ведают о том лишь немногие. Он не должен даже знать, что я доверил эту тайну вам.

– Он не узнает, – твердо сказал Кадфаэль.

– Ну вот. После того как я спас одно спотыкающееся дитя от адского огня, мне бы не хотелось подвергать той же опасности другое, столь же неподготовленное, – заявил аббат Радульфус. – Я не могу поручить отнести розу юноше, такому же, как Эльюрик. А если я назначу для этого пожилого человека, такого как ты, Кадфаэль, или ты, Ансельм, все сразу поймут, что? это означает, и несчастье брата Эльюрика станет предметом слухов и сплетен. О, будьте уверены, я прекрасно знаю, что никакие обеты молчания не удержат злые языки и новость распространится повсюду, как вьюнок. Нет, это нужно обставить как изменение образа действий, на которое Церковь вынуждена пойти по серьезным причинам. Поэтому я и попросил принести договор. Его содержание я помню, но как оно выражено дословно – забыл. Посмотрим, какие тут кроются возможности. Прочти, пожалуйста, вслух, Ансельм.

Ансельм развернул пергамент и прочел своим ласкающим слух голосом, переливами которого всегда наслаждались присутствующие на литургии:

– «Да будет известно всем, в настоящем и будущем, что я, Джудит, дочь Ричарда Вестье и вдова Эдрета Перла, находясь полностью в здравом уме и твердой памяти, передаю Богу и алтарю Пресвятой Девы Марии в церкви монастыря в Шрусбери мой дом в Форгейте, который находится между оградой аббатства и усадьбой кузнеца Томаса, вместе с садом и полем, примыкающим к нему, за ежегодную плату в виде одной розы с белого розового куста, который растет у северной стены. Роза должна вручаться мне, Джудит, в течение всей моей жизни в день перенесения мощей святой Унифред. Подписано при свидетелях: от аббатства – брат Ансельм, регент хора; брат Кадфаэль; от города – Джон Раддок, Николас с Меола, Генри Вайль».

– Отлично! – глубоко вздохнув, с удовлетворением промолвил аббат, когда Ансельм опустил лист на обтянутые рясой колени. – Итак, здесь не указывается, кто должен вручать розу, а только то, что она должна быть принесена в уплату в определенный день и отдана в руки дарительнице. Значит, мы можем освободить брата Эльюрика, не уточняя причины, и поручить отнести розу кому-нибудь другому. Ограничений нет, любой может сделать это от имени аббатства.

– Истинно так, – согласился Ансельм. – Но если ты, отец, собираешься исключить всех молодых, опасаясь ввести их в искушение, и всех нас, пожилых, чтобы не навлечь на брата Эльюрика подозрения в лучшем случае в слабости, а в худшем – в несправедном поведении, то, быть может, следует поискать среди мирян? Одного из конюхов, например?

– Допустим, – согласился Радульфус. – Однако это может показаться несколько неуместным. Мне бы не хотелось, чтобы наша благодарность этой госпоже выглядела преуменьшенной, равно как и наше уважение к тому, какой вид платы она выбрала. Для нее эта роза значит многое, и мы должны, мы обязаны отнестись к этому с надлежащей серьезностью. Я хотел бы выслушать ваше мнение.

– Роза из ее сада, с того самого куста, за которым вдова Перл ухаживала, который она растила вместе с мужем, – медленно и раздумчиво произнес Кадфаэль. – У дома сейчас есть наниматель, вдовец, достойный человек и хороший мастер. Он заботится о кусте, подрезает и подкармливает его все время, как поселился там. Почему бы не попросить его вручить розу? Никаких круглых путей, никаких посредников, прямо с куста – женщине? Куст принадлежит дому, она подарила нам и то и другое, и, стало быть, вместе с розой она получит благословение дома, и не нужно будет ничего говорить.

Кадфаэль сам не знал, что заставило его предложить такой выход. Может быть, выпитое вечером у Хью вино, к которому прибавилось вино аббата, а все вместе было сдобрено воспоминанием об оставшейся в городе дружной и счастливой семье, где излучаемое супружеской четой тепло, столь же священное, как и монашеские обеты, было свидетельством благого предназначения человечества. Как бы то ни было, речь шла о встрече мужчины и женщины. Пример Эльюрика показал, что эта встреча может иметь определенное значение и лучше, если посланцем обители будет взрослый человек, уже познавший, что такое женщина, любовь, брак и утрата.

– Хорошая мысль, – поддержал Ансельм после короткого раздумья. – Если это будет мирянин, то лучше всего – наниматель дома. Ведь он тоже пожинает плоды щедрого дара. Ему очень удобно здесь, его прежнее жилище было слишком тесным и находилось слишком далеко от города.

– И ты думаешь, он согласится? – спросил аббат.

– Мы можем поговорить с ним, – сказал Кадфаэль. – Он уже делал какую-то работу для этой женщины, они знакомы. А чем больше он общается с жителями города, тем лучше пойдет его торговля. Мне кажется, он не будет возражать.

– Тогда завтра я пошлю Виталиса поговорить с ним, – заключил аббат с удовлетворением. – И это затруднение, сколь бы мало оно ни было, счастливо разрешится.

Глава третья

Брат Виталис так долго жил среди документов, хроник и грамот, что уже ничто не могло его удивить и ничто, написанное на пергаменте, не вызывало у него любопытства. Поручения аббата он выполнял в точности, но не проявлял к ним никакого интереса. Он слово в слово передал просьбу аббата бронзовых дел мастеру Найаллу, получил ожидаемое согласие, довел его до сведения аббата и тут же забыл лицо нанимателя дома. Ни одного слова из документов, прошедших через его руки, Виталис не забывал, годы могли только слегка затуманить их в его голове, но лица мирян, которых он не видел прежде и, возможно, никогда больше не увидит, совершенно стирались у него из памяти – совсем как слова, которые он осторожно соскабливал с листа пергаamenta, освобождая место для нового текста.

– Бронзовых дел мастер охотно согласился, – доложил брат Виталис аббату. – Он обещает все точно выполнить.

Виталис даже не поинтересовался, почему некая обязанность была переложена с члена братии на мирского посредника. Он счел даже, что такое изменение более соответствует приличиям, поскольку дарителем была женщина.

– Вот и хорошо, – произнес довольный аббат и выбросил это дело из головы. Оно было закончено.

Найалл, оставшись один, несколько минут постоял, глядя вслед удаляющемуся посетителю. На верстаке лежало почти готовое блюдо, рядом с ним – чекан и деревянный молоток. Осталось нанести узор лишь на небольшой кусок борта, и тогда можно будет приняться за тонкий кожаный пояс, лежащий на полке в ожидании своей очереди. Надо будет сделать отливку, потом отковать из нее пряжку, а уж потом вычеканить на ней красивый рисунок, приготовить яркие эмалевые смеси для заполнения насечек. С тех пор как Джудит Перл принесла пояс, Найалл трижды разворачивал его, пропускал сквозь пальцы, как будто лаская, и внимательно разглядывал, как выполнены бронзовые розетки. Он сделает для Джудит красивую вещицу, пусть маленькую и незначительную, пусть это просто предмет обихода, часть одежды – Джудит станет носить его. Пояс будет обнимать ее талию, такую стройную, даже слишком стройную, а пряжка окажется против ее чрева, которое зачало лишь раз и, увы, выкинуло плод, оставив женщину жить в постоянной горькой печали.

Не сегодня, а завтра вечером, когда свет начнет меркнуть и делать тонкую работу станет невозможно, он запрет дом и отправится пешком за Меол, в крохотную деревушку Палли. В этом небольшом маноре Мортимеров работал муж сестры Найалла, Джон Стьюри, и там росла маленькая дочка Найалла среди неугомонных детей Сесили, которые очень любили сестренку и радостно носились вместе с ней по двору, пугая наседок с выводком и поросят. У него, Найалла, не все было отнято, как у Джудит. Маленькая дочка служила ему большим утешением. Найалл жалел бездетных людей, а больше всего тех, кто потерял ребенка, не доносив, и кто не мог зачать снова. Ребенок Джудит поспешил уйти вслед за отцом, а женщине оставалось лишь медленно, одиноко следовать назначенным ей судьбою путем.

Найалл не питал никаких пустых надежд относительно Джудит. Она мало знала его, не выражала желания узнать поближе и, похоже, вообще не думала о нем. Она со всеми мужчинами вела себя спокойно и вежливо, ни к кому не проявляя особого внимания. Это он знал, понимал и безоговорочно принимал. Однако судьба, милорд аббат и некая монашеская шепетильность в отношениях с женщинами сделали так, что по крайней мере один раз в году он будет видеть ее, будет приходить к ней домой и вручать ей розу как положенную плату. Он

обменяется с ней несколькими словами, увидит перед собой ее лицо, и она тоже увидит его, пусть на несколько минут.

Найалл оставил работу и вышел в сад, окруженный высокой стеной. Там были фруктовые деревья, грядки с овощами, а с одной стороны – узкая цветочная клумба, заросшая сорняками, среди которых все же мелькали яркие, разноцветные головки. У северной стены рос куст белых роз, он был высокий, в рост человека, и цеплялся за камни дюжиной длинных, усеянных шипами веток. Только семь недель назад Найалл подстриг его, но каждый год куст давал сильные молодые побеги. Это был старый куст, его омертвевшие ветви обрубали много раз, и внизу ствол его стал толстым, узловатым и очень крепким, почти как у дерева. Сейчас он был весь усыпан белоснежными полураскрывшимися бутонами. Цветы на нем никогда не были очень крупными, но они отличались чистой белизной и дивно пахли. Когда наступит день перенесения мощей святой Уинифред, роз будет достаточно и он выберет для Джудит лучшую.

Она должна получить самую красивую. А увидит он Джудит даже раньше, ведь она придет забирать пояс. Найалл с удовольствием вернулся к работе, обдумывая, как будет делать новую пряжку, когда закончит украшать блюдо для кухни провоста.

Семья Вестье занимала в городе видный дом в начале улицы Мэрдол, спускавшейся с холма к западному мосту. Прямоугольное строение с широкими окнами выходящей на улицу лавки, за которой вглубь длинной чередой тянулись зал и помещения поменьше, с большим двором и конюшней. В этом продолговатом доме под крепкой крышей помимо жилых комнат для членов семьи вполне хватало места и для просторных сухих кладовых, и для мастерской, где работали девушки, которые чесали и трепали выкрашенную шерсть. Кроме того, в отдельном помещении были установлены три ткацких станка, да еще в длинном зале могли усесться полдюжины прях. Остальные трудились у себя дома, так же как и пять живших в городе ткачей. Вестье были самыми богатыми и известными суконщиками в Шрусбери.

Только окрашивание шерсти и скатывание готовой материи были отданы в опытные руки Годфри Фуллера, его красильня и сукновальня с рамами стояли у самой реки, под стеной замка.

К этому времени, как и каждую весну, первые кипы шерсти были уже куплены, рассортированы и отосланы в окраску, а в положенный день их доставил обратно в дом Джудит Перл сам Годфри. Войдя в дом, он, похоже, вовсе не торопился перейти к делу, хотя был известен как человек, для которого время – деньги, а деньги он очень любил. И еще он любил власть. Он наслаждался тем, что был одним из самых богатых членов городской гильдии, и всегда искал способ расширить свое дело. Как утверждали ходившие по городу слухи, он имел виды на состояние вдовы Перл, почти такое же значительное, как его собственное, и никогда не упускал случая указать на выгоду, которую можно будет извлечь, если брачные узы соединят оба капитала.

Когда он вошел, Джудит вздохнула, однако учтиво предложила Годфри освежающее питье и в который раз вынуждена была терпеливо выслушать его доводы, которые имели лишь одно достоинство: они ничуть не походили на любовное ухаживание. Его слова были подсказаны здравым смыслом, а не чувствами. Впрочем, он говорил верные вещи. Его дело и ее, соединенные вместе, если их и в дальнейшем вести так же успешно, как они велись до настоящего времени, могут стать серьезной силой не только в городе, но и в графстве. Джудит окажется в выигрыше, по крайней мере станет куда как богаче, и он тоже. Да и как мужчина не так уж он и плох: все еще видный, высокий, энергичный, ладный, с густой седой шевелюрой и решительным лицом, хотя ему уже исполнилось пятьдесят. А если он ценит деньги, то ценит также приятную глазу наружность, изысканность и позаботится, хотя бы славы ради, чтобы жена его щеголяла в нарядах, каких не сыщешь ни у одной другой женщины в графстве.

– Ну-ну! – произнес Годфри Фуллер, видя досаду Джудит и принимая ее без обиды. – Я умею ждать, госпожа, и я не из тех, кто легко сдается или меняет свои взгляды. Ты сама поймешь, что я прав, и я не боюсь соперничества молодых вертопрахов, которым нечего предложить, кроме своей смазливой физиономии. Да, мое лицо немолодо, оно неплохо послужило мне, и я всегда готов поставить на него против их мордашек. У тебя хватит здравого смысла, милочка, не выбирать парня только за то, что он красив и ловко сидит на лошади. Подумай хорошенько, что мы сможем сделать, если все суконное дело будет в наших руках – от овцы с ее шерстью до готовой материи на прилавке и платья на заказчике.

– Я думала об этом, – ответила Джудит, – но не намерена снова выходить замуж, мастер Фуллер.

– Намерения могут измениться, – заявил Годфри решительно и поднялся, собираясь уходить.

Подчиняясь необходимости, Джудит протянула ему на прощание руку, которую он поднес к губам.

– Твои тоже? – спросила Джудит с легкой улыбкой.

– Мои намерения не изменятся. Если изменятся твои, то вот он я. Я жду.

С этим Годфри удалился, таким же быстрым шагом, как пришел. Похоже было, что его терпению и настойчивости нет конца, однако пятьдесят лет – возраст, плохо подходящий для долгого ожидания. Скоро ей придется что-то предпринять в отношении Годфри Фуллера, а что можно противопоставить его самоуверенности, кроме того, что уже испробовано? Так что ж, снова отражать его наскоки и отказывать ему с тем же постоянством, с каким он предлагал ей выйти за него замуж? Джудит не менее, чем Годфри Фуллер, была воспитана в сознании того, что должна заботиться о деле и о тех, кто трудится на его благо, и не могла представить себе, что отдаст окрашивание и валяние сукна другому хозяину.

Тетя Агата Кольер, которая сидела тут же, чуть в стороне, и шила, откусила нитку и произнесла сладким голосом, как будто обращалась к избалованному ребенку, – так иногда она разговаривала с племянницей, благодаря доброте и заботам которой жила в полном достатке:

– Ты никогда не отделаешься от него, если будешь так учтива. Он принимает это как поощрение.

– Он имеет право высказать свое мнение, – ответила Джудит безразличным тоном, – и прекрасно знает, что думаю об этом я. Сколько бы он ни предлагал, я могу каждый раз отказывать.

– Ах, душенька, верю, что можешь. Не годится он тебе в мужья. И ни один из этих молодых людей, о которых он говорил, тоже не годится. Ведь ты знаешь, что нет в мире второго для той, что познала радость с первым. Уж лучше продолжать свой путь в одиночестве! Я все еще горюю по своему мужу, хотя он давно умер, – проговорила тетка со вздохом, качая головой и вытирая легко

набежавшую слезу, как она делала тысячу раз с тех пор, как стала жить в этом доме, смотреть за кладовыми и бельем и привела сюда своего сына, чтобы тот помогал Джудит вести дело. – Если бы не мой мальчик, который был мал и не мог позаботиться о себе, я бы ушла в монастырь в тот же год, как умер Уилл. В монастыре охотники за богатством не будут докучать женщине. Там ей будет спокойно, да-да.

Тетя Агата села на своего конька. Иногда казалось, будто при этом она не понимает, что говорит в общем-то сама с собой.

В молодости она была хорошенькой, ее лицо и сейчас еще оставалось розовым и сохраняло приятную округлость черт, которая странным образом не соответствовала настороженно-острому взгляду голубых глаз и натянутой улыбке, появлявшейся у нее на губах в самую неподходящую минуту. Тогда казалось, что за мягкой внешностью таятся недобрые мысли. Джудит не помнила своей матери и часто думала о том, были ли похожи сестры. Однако эти люди – тетка и ее сын – были ее единственными родственниками, и она без колебаний пригласила их жить вместе с ней. Майлс вполне отработывал то, что она на него тратила. Он показал себя превосходным управляющим во время долгой болезни Эдреда, когда Джудит не могла думать ни о чем другом, как только о муже и о будущем ребенке. А когда она вернулась в лавку, у нее не было желания снова брать бразды правления в свои руки. Джудит делала свою долю работы как полагалось, присматривала за всем, однако она позволила Майлсу сохранить за собой место старшего мастера-суконщика. Лучше, если такой влиятельный торговый дом будет представлять мужчина.

– Увы, – вздохнула Агата, складывая шитье на своих полных коленях и роняя на него слезу, – обязанности удерживали меня в этом мире, тишина и покой не для горемычной вдовы. А у тебя, бедняжка моя, нет ребенка, который держится за твой подол, ничто не привязывает тебя к этому миру, если ты захочешь оставить его. Однажды ты уже говорила об этом. Хорошенько подумай, не спеши. Но в общем-то ничто тебя не удерживает.

Вот именно, ничто! Иногда Джудит казалось, что мир – скучная пустыня и за него вряд ли стоит цепляться. Через день-другой, быть может завтра, придет сестра Магдалина из обители у Годрикс-Форда, лесной обители Полсвортского аббатства, чтобы забрать туда послушницей племянницу брата Эдмунда. Сестра Магдалина может взять с собой не одну, а двух послушниц.

Сестра Магдалина приехала на следующий день. После полудня Джудит сидела в зале, где работали пряжи. Будучи, за неимением братьев, наследницей семейного дела, она с детства хорошо изучила все этапы выделки сукна – от трепания и расчесывания шерсти до растягивания ткани на сукновальной раме и – как завершение – выкраивания одежды, но теперь обнаружила, что утратила сноровку за прялкой. Перед ней лежал пучок расчесанной шерсти рыже-красного цвета. В разное время года пользовались разными красками: в апреле и мае, как правило, красили собранным прошлым летом дроком, дававшим синий цвет, а за ним шли разные оттенки красного, коричневого и желтого, краски для которых Годфри Фуллер добывал из лишайника и марены. Годфри хорошо знал свое ремесло. Ткань, которую снимали с сукновальной рамы, имела по всей длине куска ровный, чистый цвет, окраска была прочной, и за материю можно было просить хорошую цену.

В зал вошел Майлс.

– К тебе посетительница, – объявил он, наклоняясь над плечом Джудит и с одобрением потирая большим и указательным пальцами клочок шерсти из привязанного к прялке пучка. – В твоей комнате сидит монашка из обители у Годрикс-Форда и ждет тебя. Она говорит, что в аббатстве ей сказали, будто ты хотела побеседовать с ней. Ты что, все еще подумываешь покинуть мир? Я полагал, что с этими глупостями покончено.

– Я сказала брату Кадфаэлю, что была бы рада повидать сестру Магдалину, – ответила Джудит, останавливая веретено. – Только и всего. Она приехала сюда за новой послушницей – дочкой сестры попечителя лазарета.

– Тогда не дури и не предлагай ей еще одну послушницу. Я знаю, ты способна на всякие безумства, – добавил он шутливо и ласково похлопал Джудит по плечу. – Вроде того, когда отдала за розовый лепесток самый лучший дом в Форгейте. Не намереваешься ли ты завершить эту сделку, отдав саму себя?

Майлс был на два года старше двоюродной сестры и охотно играл роль взрослого, дающего мудрые советы, правда, делал это словно бы в шутку, смягчая строгий образ. Молодой человек невысокого роста, но ладно скроенный, сильный и гибкий, он так же хорошо держался в седле, брал верх в рукопашной и стрельбе из лука на берегу реки, как и управлял сукновальным делом. У Майлса, как и у его матери, были живые голубые глаза и светло-каштановые

волосы, но полностью отсутствовало ее затуманенное, скрытое самодовольство. Если характер матери был – или казался – расплывчатым, неясным, то поведение сына было ясным и решительным. Джудит смело могла доверять его здравому уму во всех делах, связанных с торговлей, и была ему за это благодарна.

– Я могу поступать как захочу, – произнесла она, поднимаясь и откладывая в сторону веретено с навитым на него клубком рыже-красных ниток. – Знать бы только, чего я действительно хочу! Но сказать по правде, я словно брожу в потемках. А пока я рада буду поговорить с сестрой Магдалиной. Она мне нравится.

– Мне тоже, – охотно согласился Майлс. – Но я ревную тебя к ней. Этот дом развалится без тебя.

– Чепуха! – резко возразила Джудит. – Ты прекрасно знаешь, что он без меня будет существовать не хуже, чем со мной. Ведь крышу подпираешь ты, а не я.

Она не стала ждать его возражений, неожиданно ободряюще улыбнулась и ушла к своей гостье, коснувшись на ходу пальцами его рукава. Майлс знал себе цену и понимал, что Джудит права: он может вести дело без нее. Однако напоминание об этом укололо ее. Джудит и впрямь стала женщиной, безвозвратно потерявшей себя, не имеющей цели в этом мире, она вполне могла подумывать об уходе в монастырь. Отговаривая ее от этого шага, Майлс разбередил рану в ее душе и вновь направил ее мысли к принятию пострига.

Сестра Магдалина сидела на устланной подушками скамье, стоявшей у открытого окна в маленькой комнате Джудит. Внушительная фигура в черном одеянии излучала спокойствие и неторопливость. Агата поставила перед монахиней фрукты и вино и ушла, оставив ее одну, потому что слишком благоговела перед ней. Джудит села рядом с гостьей.

– Кадфаэль сообщил мне о том, что? тревожит тебя и о чем ты поведала ему, – промолвила монахиня. – Боже сохрани, я не стану уговаривать тебя выбрать тот или иной путь. Решение должна принять ты, и никто не сделает этого за тебя. Я учитываю и то, как тяжелы были твои потери.

– Завидую тебе, – произнесла Джудит, опустив глаза на сцепленные на коленях руки. – Ты добрая, мудрая и сильная. Боюсь, сейчас у меня нет ни одного из этих

качеств, и это вызывает желание опереться на того, у кого они есть. О, я живу, работаю, я не бросила дом, родственников и свои обязанности. Но они прекрасно могут обойтись без меня. Только что, разговаривая с моим кузеном, я еще раз убедилась в том, что права, хоть он и пытался это отрицать. Как бы я хотела чувствовать призвание к чему-нибудь!

– Призвание, которого у тебя нет, – промолвила сестра Магдалина понимающе, – иначе ты бы этого не сказала.

Теплая улыбка вдруг осветила ее лицо, на щеках появились и сразу исчезли ямочки.

– Да. То же сказал и брат Кадфаэль. Он заявил, что нельзя посвятить свою жизнь Церкви от безысходности, это должно быть призванием, страстной тягой.

– Он бы не мог сказать этого обо мне, – возразила сестра Магдалина. – Но я никогда не стану советовать другим делать то, что сделала сама. Честно говоря, я не могу служить примером для всех женщин. Я сделала свой выбор, у меня впереди есть еще несколько лет жизни, чтобы заплатить за него. А если не успею выплатить весь долг, я отвечу за остаток потом, не жалуясь. А у тебя нет никакого долга, и не думаю, что будет. Цена очень высока. Наверное, тебе лучше подождать и обратить свою жизнь на что-нибудь другое.

– Я не знаю ничего такого, чему бы стоило посвятить себя в этом мире, – произнесла Джудит безрадостным тоном после долгого раздумья. – Но и ты, и брат Кадфаэль правы: если я приму постриг, я укроюсь за ложью. Я жду от монастыря лишь покоя, мне так хочется укрыться за его стенами от внешнего мира.

– Тогда помни, что наши двери открыты для любой женщины, которая нуждается в нас, и покой обеспечен не только тем, кто дал обет. Может прийти время, когда тебе и впрямь потребуются место, где бы ты могла уединиться, успокоиться, поразмышлять и вернуть себе утраченное мужество, хотя, как мне представляется, у тебя его достаточно. Я сказала, что не буду советовать, и вот советую. Подожди, оставь все как есть. Но если тебе понадобится убежище – на короткое время или надолго, – приезжай в Годрикс-Форд со всеми своими тревогами. Ты найдешь у нас покой и сможешь жить сколько захочешь, не давая обета, во всяком случае до тех пор, пока не ощутишь всем сердцем, что это твое

призвание. А я буду держать дверь закрытой от внешнего мира, пока ты не почувствуешь, что готова вернуться туда.

Этим же вечером, после позднего ужина, в маленьком домике манора Палли, стоявшем на открытом месте у опушки Долгого леса и принадлежавшем зятю Найалла, бронзовых дел мастер открыл дверь и выглянул в сгущавшиеся сумерки. Надвигалась ночь. Ему предстояло проделать обратный путь – примерно три мили. В хорошую погоду это была приятная прогулка, и он привык два или три раза в неделю шагать домой в Форгейт в рано наступавшей темноте, чтобы утром снова приняться за работу. Но в этот вечер он с удивлением обнаружил, что идет дождь, и идет так безостановочно и тихо, что внутри, в доме, они даже не услышали его.

– Оставайся ночевать, – раздался голос сестры у плеча Найалла. – Мокнуть тебе совсем ни к чему, а к утру дождь, наверное, прекратится.

– Я не боюсь дождя, – ответил Найалл. – Ничего мне не сделается.

– Путь-то долгий. Подумай, – мягко настаивала Сесили. – Оставайся. Здесь сухо, места достаточно, и ты знаешь, что мы тебе рады. А завтра встанешь пораньше и уйдешь. Не проспишь, сейчас светает рано.

– Закрой дверь, садись, и выпьем еще, – решительно произнес расположившийся за столом Джон. – Лучше промокнуть изнутри, чем снаружи. Нечасто нам удастся поговорить вот так, втроем, когда дети уже легли спать.

Это была чистая правда, как-никак четверо ребятишек в доме, шустрых, как белки. Взрослые целиком были в их распоряжении – чинили игрушки, участвовали в разных забавах, рассказывали сказки, пели детские песенки. Мальчикам и девочке Сесили исполнилось соответственно десять, восемь и шесть лет, а крошка Найалла была самой младшей и общей любимицей. Сейчас все четверо, свернувшись клубочками, как щенята, спали на чердаке на своих набитых сеном тюфяках. Поэтому взрослые могли спокойно поговорить, сидя в комнате за сколоченным из досок столом.

Для Найалла прошедший день был удачным. Он отлил новую пряжку для пояса Джудит, вычеканил на ней узор, отполировал ее – и был доволен своей работой.

Когда завтра Джудит придет за пряжкой, возьмет ее в руки и радость вспыхнет в ее глазах, он будет вознагражден. А пока почему бы не остаться переночевать в уютном доме, встать на рассвете, выйти в свежееумытый мир и отправиться по зеленой траве домой?

Найалл спал крепко. На рассвете его разбудил птичий гомон, веселый и пронзительный. Сесили уже поднялась и хлопотала на кухне: она приготовила ему завтрак – немного хлеба и эль. Сестра была моложе Найалла, крепкая, здоровая блондинка, счастливая в замужестве, прирожденная хозяйка, очень любящая детей. Неудивительно, что оставшейся без матери племяннице жилось у нее очень хорошо. Стьюри отказывались брать у Найалла деньги на содержание девочки. «Что значит еще один птенчик в переполненном гнезде?» – говорил Джон. Действительно, благодаря его трудам семья была вполне обеспечена. Маленький манор Мортимера процветал: дом был крепкий, поля давали хороший урожай, лес расчищен, маленькая роща окружена глубокой канавой, чтобы не забредали олени. Для детей лучше места не придумаешь. И все же Найаллу всегда трудно было, возвращаясь в город, оставлять здесь девочку, и он приходил сюда так часто, как только мог, боясь, как бы малышка не стала забывать, что она его дочка, а не младшая сестричка детей Стьюри.

Найалл отправился в путь. Утренний воздух был влажным и теплым, дождь прекратился, похоже, несколько часов назад. На траве еще блестели капли, а там, где земля была голой, она уже впитала влагу и начала подсыхать. Первые длинные косые лучи солнца пронизывали кроны деревьев и расчерчивали землю рисунком из чередующихся полос света и тени. Воинственность птичьих песен смягчилась, они утратили свою страстность, стали более деловитыми и спокойными. У птиц тоже было полно птенцов в гнездах, и родители целый день трудились, принося им корм.

Первая миля пути проходила по краю леса, там, где начиналась вересковая пустошь с редкими деревьями. Потом Найалл вышел к деревушке Брейс-Меол, а от нее – на хорошо утоптаный проселок, что по мере приближения к городу расширялся, превращаясь в дорогу, по которой могли ездить телеги. По узкому мостику Найалл перешел Меол и оказался в Форгейте, неподалеку от каменного моста, соединявшего предместье с городом, и мельничного пруда на краю аббатства. Найалл пустился в путь очень рано и шел быстро, так что, когда он добрался до Форгейта, там еще только просыпались и лишь некоторые хозяева и работники уже поднялись и принимались за работу. Все они приветливо здоровались с проходившим мимо Найаллом. В монастыре еще не звонили к

заутрене, из церкви не доносилось ни звука, только было слышно, как в дормитории звонит колокол, будивший монахов. Дорога после дождя высохла, но земля в садах была еще темной от пропитавшей ее влаги, обещая буйный рост всякой зелени.

Через калитку в стене своей взятой в аренду усадьбы Найалл вошел во двор, открыл дверь в мастерскую и стал готовиться к трудовому дню. Пояс Джудит, свернутый, лежал на полке. Найалл еле удержался, чтобы не протянуть руку и не погладить его еще раз. У него нет прав на эту женщину и никогда не будет. Но сегодня, по крайней мере, он увидит ее, услышит ее голос, а через пять дней снова встретится с ней, уже в ее собственном доме. Может быть, их руки соприкоснутся, когда он будет отдавать ей розу. Он тщательно выберет цветок и сострижет со стебля все шипы. За короткую жизнь эту женщину и так искололо слишком много очень острых шипов.

Мысли о Джудит и розе заставили Найалла выйти в сад, находившийся за домом. Туда вела плетеная калитка в стене, окружавшей двор. Когда Найалл вышел из помещения, где еще держался ночной холод, его обдало теплом и ярким солнечным светом, лившимся сквозь ветви фруктовых деревьев на заросшие цветочные клумбы. Найалл шагнул за порог калитки и в ужасе остановился, пораженный.

Розовый куст у северной стены висел, перегнувшись пополам. Его колючие ветки были вырваны из камней стены, толстая нижняя часть ствола была рассечена ударом, нанесенным сверху. Примерно треть куста оказалась отрублена и валялась на земле. Земля под ним была измята и истоптана, как будто здесь дралась свора собак, а рядом с полем сражения в высокой траве лежала большая куча скомканных черных тряпок. Найалл сделал только три шага по направлению к сломанному кусту, как вдруг заметил блеснувшие из-под тряпья голую лодыжку, руку, высунувшуюся из широкого рукава, судорожно впившиеся в землю пальцы и бледный кружок тонзуры, так странно выглядевший на этом черном фоне. Монах из Шрусбери, молодой, худенький, в просторной рясе совсем не видно тела. Господи Боже, что он делает тут, мертвый или раненый, лежа под изуродованным кустом?

Найалл подошел и опустился возле тела на колени, от волнения боясь коснуться его. Потом он увидел нож рядом с кистью руки, его клинок был выпачкан засохшей кровью. Густая темная лужа успела уже впитаться в почву под телом. Увы, это была не дождевая вода. Рука, торчавшая из широкого черного рукава,

была гладкой и тонкой. Почти мальчишеской. В конце концов Найалл решился, протянул руку и коснулся пальцев лежащего. Они были холодными, но еще не окоченели. Тем не менее Найалл понял, что монах мертв. Дрожа от страха, Найалл осторожно подsunул руку под голову покойника и повернул навстречу утреннему солнцу выпачканное землей молодое лицо брата Эльюрика.

Глава четвертая

Брат Жером, вменивший себе в обязанность пересчитывать братию по головам – все ли присутствуют в положенном месте в положенный час – и вообще строжайшим образом следивший за поведением всех монахов, и молодых, и старых, отметил, что, в то время как в дормитории вставали и собирались к заутрене, в одной из клетушек царила тишина. Брат Жером, немного удивившись, счел своим долгом заглянуть туда: брат Эльюрик (а это было его место) всегда служил образцом добродетели. Но даже добродетельный человек может иногда оступиться, а удобный случай упрекнуть в недостатке усердия такого примерного монаха, как Эльюрик, выпадал редко, и упускать его нельзя было ни в коем случае. Однако на сей раз рвение брата Жерома пропало втуне, и слова благочестивого упрека остались произнесенными, потому что клетушка была пуста, кровать безукоризненно заправлена, и лишь открытый молитвенник лежал на узком столике. Очевидно, брат Эльюрик поднялся раньше своих братьев и уже стоял где-нибудь в церкви на коленях, погруженный в молитву. Жером почувствовал себя обманутым и с еще более кислой, чем обычно, миной набросился на всех, у кого глаза были еще мутными ото сна или кто зевал, идя по направлению к внутренней лестнице, ведущей в церковь. Брат Жером одинаково терпеть не мог и тех, кто превосходил его самого в благочестии, и тех, кому этого благочестия не доставало. Брату Эльюрику еще предстояло поплатиться.

Все заняли свои места в хоре, и брат Ансельм затянул первые молитвы литургии. Как мог человек, которому уже перевалило за пятьдесят, говоривший обычно голосом даже чуть более низким, чем голоса большинства его братьев, как мог он петь в самом высоком регистре, доступном только лучшим мальчикам-певчим? И как не боялся? Жером снова стал пересчитывать братию по головам, и у него даже улучшилось настроение, так как он увидел оправдание собственному поведению: одного не хватало. И этим одним был брат Эльюрик. Пал образец добродетели, сумевший завоевать расположение приора Роберта,

выражавшееся с присущим тому достоинством и важностью – а к этому брат Жером относился весьма ревниво! Хватит Эльюрику почивать на лаврах! Приор никогда не опустится до того, чтобы пересчитывать братию или выслеживать их проступки, но если ему шепнуть, он прислушается.

Заутреня подошла к концу, и монахи цепочкой двинулись обратно к лестнице. Предстояло завершить туалет и подготовиться к завтраку. Брат Жером немного задержался и, тронув за локоть приора Роберта, с праведным негодованием зашептал тому в ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/piters_ellis/roza-v-uplatu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)